

О. И. Ревуцкий

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ СВОЙСТВА ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СИСТЕМЕ ТРОПОВ

Проблемы тропа постоянно привлекают к себе внимание представителей разных областей гуманитарного знания: филологов, включая литературоведов и лингвистов, философов, специалистов по семиотике, культурологии и другим наукам. Ученых интересуют вопросы об особенностях языкового выражения тропов, психологических механизмах троповости, о тропах как специфичных средствах кодирования информации в языке, о роли тропеических средств в познании, в художественном отображении реальности и многое другое.

Одной из центральных задач филологии на пути к построению общей теории тропа является поиск интегрирующих начал троповости и признаков, позволяющих объединять отдельные тропы в более тесно связанные между собой группировки.

На заре своего возникновения учение о тропах совмещало в себе риторический и логический аспекты. Такое понимание представлено в трудах Аристотеля и его последователей [1]. В настоящее время оба подхода к изучению тропов нередко разделяются. Так, традиционно риторическое направление преследует прежде всего практические цели, связанные с изучением тропов и фигур как средств украшения речи. При этом предполагается ознакомление с сущностью того или иного риторического средства или приема, выработка умений узнавать разные тропы и фигуры в тексте и строить аналогичные конструкции. Авторы многих современных пособий по риторике [2, 3] стремятся к предельно широкому охвату материала, в результате чего представленный в их пособиях список тропов и фигур нередко приближается к ста. Поиск интегрирующих начал троповости в задачи данных работ не входит.

Основы типологического исследования тропов связываются прежде всего с логической стороной учения Аристотеля, в частности, с его идеей пропорциональности, т. е. обратимости тропов, и свойством данных средств развертываться по принципу парной симметрии.

Важное типологическое значение имеет во многом основывающаяся на идеях Аристотеля интеракционистская теория, выдвинутая М. Блэком и рядом других исследователей. Согласно этой теории тропы строятся по бинарному принципу, сущность которого сводится к объединению в языковой структуре двух несоединимых между собой в обычной речи смыслов. Например, *мак заката* (С. Есенин), где в одном словосочетании объединяются понятия из областей «растения» и «наблюдаемые небесные явления». Хотя данная теория была разработана на основе метафор, есть основание считать, что подобная двуплановость свойственна и тропам других разновидностей. Как справедливо замечает И. Р. Гальперин, почти

все виды тропов основываются на соединении двух типов значений [4, 274]. Представление о бинарности тропов поддерживается современной семиотикой, считающей бинарность основой структурирования любых знаковых систем [5, 126–129].

В современной филологии предпринимаются попытки найти четкие интегрирующие признаки между тропами, наиболее близкими по особенностям семантического механизма и способам выражения, например между метафорой и оксюмороном, метафорой и метонимией, метафорой и сталкиванием значений.

Принимая интеракционистскую теорию, мы считаем, что типологизация тропов может быть осуществлена прежде всего с учетом характерных свойств, своего рода констант образного мышления. Цель нашей работы заключается в том, чтобы очертить такие константы, увязав их с тропами отдельных разновидностей и с тропами синкретичного характера. При описании и систематизации материала нами частично учитывались малоизвестные подходы к тропам, изложенные в трудах разных ученых, которые имеют непосредственное отношение к задачам нашего исследования.

В качестве важной основополагающей особенности образного мышления рассматриваем установку на фантастичность, понимаемую нами как преодоление пределов реального и возможного и создание иллюзорной, условной реальности. Полагаем, что доля фантастичности в той или иной степени присутствует в большинстве тропов, хотя наиболее четкое выражение это качество получает в гиперболе, гротеске, метаморфозе. Обратимся к примерам. Троп гипербола означает фантастическое преувеличение, своего рода преодоление предела реального. Среди примеров гиперболы в языке наиболее показательны такие, которые выражают преувеличение размера (*вырос до неба, ростом с коломенскую версту*) и количества (*я тебе тысячу раз говорил*). В стиле поэзии гиперболизация часто связывается с преувеличением возможностей при выполнении какого-либо действия. Например: *С неба звездочку достану и на память подарю* (из песни); *Хочешь, завтра тебе озорную зарю посвящу, напишу на заре: «Это ей посвящается, ей!»* (Р. Рождественский).

Фантастичность гиперболы может проявляться и в представлении описываемого лица как превращающегося в кого-либо иного или во что-либо иное. Ср., например, из рекламного текста: *моего от экрана не оторвать, скоро голова квадратной станет*. Данный фрагмент иллюстрирует одно из характерных направлений гиперболизации: постепенное превращение в предмет высокого почитания, преклонения. Пример гиперболы со сходной направленностью находим у Е. Ильфа и И. Петрова в романе «Двенадцать стульев», где об авиаторе (летчике) говорится, что у него вместо волос на голове начали расти перья. Речь, таким образом, идет о превращении в птицу. В двух последних примерах гипербола сочетается с метаморфозой, рассматриваемой рядом исследователей в качестве самостоятельного тропа, моделирующего фантастическое превращение.

В современной поэзии встречается и «чистая» метаморфоза, не связанная с эффектом гиперболы. К ее наиболее характерным направлениям относится изображение умерших людей как оживших. В качестве примера приведем фрагмент из текста В. Высоцкого «Монумент», в котором лирический герой как бы живет вторую жизнь в облике памятника: ***Я при жизни был рослым и стройным / и в привычные рамки не лез, / Но с тех пор, как считаюсь покойным, / Охромилы меня и согнули, / К пьедесталу прибыв ахиллес.***

Следующей константой образного мышления, выступающей в качестве одной из движущих сил тропообразования, является установка на совмещенное восприятие разных предметов, картин, ситуаций. Сказанное касается прежде всего художественных метафор, для которых определение данного тропа как переноса часто не подходит. Речь скорее должна идти о двойном кодировании смысла. Часто не «срабатывает» и традиционное определение метафоры как скрытого сравнения, которое применимо лишь к минимальным метафорическим конструкциям типа ***серп луны, солнечный шар*** и т. п. Образно-художественные метафоры нередко отличаются большой развернутостью, семантической сложностью и асимметричностью в выражении двух планов значения. Например, при олицетворении природных объектов очень часто абсолютно преобладает «человеческий» контекст. Такие объекты, к примеру деревья, часто изображаются как переговаривающиеся между собой, выполняющие ту или иную работу, танцующие и т. п.

Ассоциации по сходству в развернутых метафорических конструкциях часто бывают неявными, совмещенными с ассоциациями по смежности или вообще сводятся на нет. Покажем это на примере С. Есенина: ***Лижет теленок горбатый вечера красный подол.*** В этом фрагменте наблюдается явная асимметрия в выражении двух планов значения. Семантический план, связанный с кормлением теленка, абсолютно преобладает над семантическим планом «время суток», т. е. ***вечер***. На месте слова ***вечер*** здесь логично было бы употребить слово, называющее женщину, например, ***хозяйка: теленок лижет подол хозяйки, вышедшей его кормить.*** Попытка реконструировать данное метафорическое выражение в сравнительную конструкцию в данном случае обречена на неудачу, поскольку фраза ***вечер похож на хозяйку*** выглядела бы нелепой. Думается, что здесь правомерно говорить не о сравнении, а о сближении двух разных ситуаций, которые хорошо «подходят» одна к другой; первая: хозяйка вышла кормить теленка и вторая: в это время на небе горела вечерняя заря. Вырисовывается здесь и «семантический мост» между двумя смысловыми планами, связывающий понятия ***вечер*** и ***хозяйка***. Это скрытая ассоциация по цвету: алый цвет зари – красный цвет подола. Примеры подобных метафор показывают, что их «движущими силами» являются тенденции образного мышления, отличающиеся от тех, которые ведут к образованию гипербол. Хотя гиперболы также могут рассматриваться как семантически двухплановые

тропы (где фантастический смысл коррелирует с нефантастическим), однако в метафоре оба смысла относительно равноправны и их восприятие можно расценить как «мерцание смыслов», в то время как в гиперболе абсолютно доминирует смысл фантастический, а реальный часто оказывается имплицитным и подразумеваемым.

Психологический механизм гиперболизации хорошо понимал Аристотель, который считал, что гиперболы более подобает употреблять молодым авторам [1, 148]. Из этого можно заключить, что создание гиперболических выражений ученый связывал с бурным проявлением эмоций, которое не всегда могло приводить к удачным примерам.

Влиянием свойства совмещенного видения разных планов реальности можно объяснить появление таких тропов, как каламбур и сталкивание значений, под которым понимается троп, занимающий промежуточное положение между метафорой и каламбуром [6, 1–56]. Например: ***В голове от имен такая каша, / как общий котел пехотного полка*** (В. Маяковский). Фокусом сталкивания здесь является фразеологизм *каша в голове*, а оба смысловых плана «сумбур, неразбериха» и «продукт питания» инициируются контекстом. Как и в метафорических выражениях, оба смысловых плана при сталкивании оказываются относительно равноправными, хотя, в отличие от метафор, здесь имеет место элемент парадоксальности: сталкивание является намеренным, демонстрирующим игру слов. Автор как бы приглашает читателя прочувствовать такое парадоксальное языковое явление, как способность одних и тех же языковых знаков выражать совершенно разные смыслы.

Основываясь на подобных и других примерах, о которых речь пойдет ниже, можно прийти к выводу, что парадоксальность, наряду с двумя вышеназванными особенностями образного мышления, входит в число основополагающих его свойств. Выражается она в иронии, разного рода алогизмах, совмещении противоположностей, частично – в метонимии.

Распространенным средством выражения парадоксальности является троп, который Н. С. Валгина вслед за Ю. М. Лотманом определяет как перевернутый образ [7, 134–136]. Пример такого тропа находим в одном из стихотворений Э. Асадова. Описывая раннее утро, автор дает такую картину: ***Фонари уже степенно, / как рабочие уставшие, / возвращаются со смены.*** Данное высказывание по форме напоминает метафору, которая осложнена сравнением. Однако метафоричность в данном примере отсутствует, поскольку в числе признаков фонарей нет таких, которые могли бы быть предметом сравнения с возвращающимися со смены рабочими. Речь, таким образом, может идти только о перевороте. В сфере подобных тропов оказываются примеры, рассматриваемые представителями средневековых риторик как металепсис. Ср.: ***Отдайте ветры кораблям.*** Перевернутость в данном случае заключается в том, что ветры обычно выступают в качестве субъектов действия, они наполняют паруса и движут корабли.

Здесь же активная роль отводится кораблям, а пассивная – ветрам. Такой пример правомерно рассматривать и как метонимию. К перевернутым образам близок и такой троп, как оксюморон, например: **Безмолвные крики висят, зацепившись за звезды** (Р. Рождественский).

Итак, к константам образного мышления, определяющим процессы тропообразования, мы относим его установки на фантастичность, на совмещение представлений о разных понятиях, картинах, ситуациях и на парадоксальность. Показателем правомерности выдвижения данных свойств на роль типологических критериев троповости является то, что они могут действовать совместно, определяя тем самым явление синкретизма тропов. Возможность реализации в одном и том же выражении метафоры и гиперболы отмечал еще Аристотель [1, 143]. В современной поэзии немало примеров совмещения трех, четырех и более тропов. Ср.: **Свет на весь простор земной, / крылья радость распластала. / Льет свет... Что было мной – / Этим буйным светом стало.** В данном выражении можно обнаружить одновременно и гиперболу, и метаморфозу, и перевернутость.

Опора на константы образного мышления позволяет усмотреть соотносимость тропов и фигур. Так, например, с гиперболой часто соотносится смысловая градация. Неслучайно градационные ряды нередко завершаются гиперболами. Ср.: **Берет как бомбу, / берет как ежа, / как бритву обоюдоострую. / Берет как зрелую / в двадцать жал / змею двухметроворостую.** (В. Маяковский). Установка на парадоксальность часто ведет к употреблению параллельных конструкций, которые Р. О. Якобсон рассматривает как проявление принципа эквивалентности поэтического языка.

Изложенный в настоящей статье подход может способствовать более точному представлению тропеического инвентаря как системы, в частности, пересмотру существующих положений, касающихся трактовки тех или иных тропов как базовых. Разумеется, для этого необходимо более тщательное исследование, основывающееся на привлечении обширного тропеического материала.

Литература

1. Античные риторика / под ред. А. А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во Моск-го ун-та, 1978. – 352 с.
2. Ключев, Е. В. Риторика / Е. В. Ключев. – М.: Изд-во Приор, 2001. – 268 с.
3. Львов, М. Р. Риторика. Культура речи / М. Р. Львов. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 272 с.
4. Гальперин, И. Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста / И. Р. Гальперин // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1981. – С. 267–289.
5. Почепцов, Г. Г. Семиотика / Г. Г. Почепцов. – М.: «Рефл-бук»: «Ваклер», 2002. – 432 с.
6. Ревуцкий, О. И. Метафора, сталкивание значений и каламбур: общность и различие / О. И. Ревуцкий // Вестник Белорусского государственного университета. Сер. 4, История. Филология. – 2007. – № 3. – С. 51–56.
7. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.